

ГЛАВА VII.

Горѣловка и царица Лукерья.

При обсужденіи плана нашего дальнѣйшаго путешествія, полковникъ Тарасовъ напомнилъ мнѣ, что мы непремѣнно должны остановиться въ одномъ изъ поселеній русскихъ крестьянъ, расположенныхъ на нашемъ пути къ югу. Уѣздный начальникъ такъ часто восхвалялъ намъ этихъ поселянъ, что мы все были заинтересованы и прониклись желаніемъ послѣдовать его совѣту. Что, еслибы вся эта плодородная страна могла быть заселена такимъ образцовымъ крестьянствомъ! Какія обильныя жатвы она приносила бы, какія богатства она произвела бы! Непремѣнно посѣтите Горѣловку, прибавлялъ онъ; тамъ вы увидите, что могутъ сдѣлать русскіе колонисты!

Русскіе колонисты! Конечно, Россія еще не въ такомъ положеніи, чтобы основывать колоніи, какъ бы эти отдаленныя провинціи ея азіатской территоріи не нуждались въ новыхъ порядкахъ и новой крови. Дѣйствительно русскіе правители рано сознали цѣлесообразность внесенія въ свои полудикія закавказскія владѣнія закваски привыкшихъ къ порядку, дѣятельныхъ элементовъ запада и за недостаткомъ пригоднаго для этой цѣли матеріала у себя дома, они приглашали и поощряли иностранныхъ поселенцевъ. Возможно, что они въ этомъ отношеніи слѣдовали только указаніямъ провидѣнія; достовѣрно, по крайней мѣрѣ, что, когда такой случай представлялся, они не пропускали его пезамѣченнымъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія королевство Вюртембергское служило ареной борьбы между членами протестантскаго общества, происхождение которой такъ же любопытно, какъ необычны ея ре-

зультаты. Дѣло было такъ: нѣсколько популярныхъ пасторовъ торжественно возвѣстили, что скоро наступитъ второе пришествіе Христа. И вѣра этихъ почтенныхъ проповѣдниковъ въ свои пророческія силы была такъ велика, что они даже назначили день, когда солнце и луна должны будутъ померкнуть, когда звѣзды покачнутся, океанъ забушуетъ и люди со страха будутъ умирать, пока не наступитъ послѣднее великое событіе—не появится со славою въ облакахъ Сынъ Человѣческій. Всѣ эти изумительныя знаменья и чудеса должны были открыться пораженному ужасомъ міру въ 1836 году.

Люди тѣмъ сильнѣе вѣрили этимъ страннымъ предсказаніямъ, что уже были подготовлены къ нимъ событіями, происходившими въ предѣлахъ ихъ маленькаго мірка. Духовенство ихъ раскололось на двѣ партіи по религіозному вопросу, вполне способному затронуть за живое народный умъ. Преобладающей партіи удалось внести измѣненія въ церковныя молитвы и гимны. Страсти такъ разгорѣлись, что преслѣдованія казались неминуемыми; это заставило объединиться вѣрныхъ защитниковъ старыхъ формъ. Развѣ не наступили уже для нихъ дни великихъ бѣдствій? Но въ какомъ горномъ убѣжищѣ могли эти христіане болѣе обширной Іудеи найти приютъ, обѣщанный имъ словами Христа? Проповѣдники увѣрили ихъ, что въ такомъ убѣжищѣ не будетъ недостатка и что они могутъ найти его по сосѣдству съ Каспійскимъ моремъ. Грозный характеръ божественнаго предостереженія, увѣренность въ томъ, что оно скоро осуществится, искреннее отвращеніе многихъ серьезныхъ умовъ къ новоизобрѣтеннымъ формамъ богопочитанія,—все это содѣйствовало укрѣпленію стараго мужества протестантовъ и побудило большую группу людей покинуть свои дома и родину и, не загадывая много впередъ, пуститься въ опасный путь къ далекой странѣ, гдѣ бы они могли въ мирѣ и душевномъ спокойствіи ожидать славнаго пришествія Искушителя, Ряды ихъ пополнились—такова иронія жизни въ нашемъ сложномъ обществѣ—многими искателями приключеній и перемѣнъ. Когда

они выѣхали изъ Вюртенберга, ихъ было 1,500 семействъ. Двѣ трети изъ этого числа, говорятъ, погибли, не достигнувъ Одессы, гдѣ остатокъ ихъ былъ подкрѣпленъ второй партіей ихъ соотечественниковъ въ числѣ 100 семей. Приѣхавъ въ Грузію въ 1817 году, они нашли друга, въ Императорѣ Александрѣ I, даровавшаго имъ обширныя привилегіи, когда они поселились въ нѣсколькихъ колоніяхъ Тифлисской и Елисаветпольской губерній, существующихъ и теперь. Имъ пришлось перенести различныя бѣдствія и внутреннія раздоры; нѣкоторые изъ нихъ погибли отъ дикихъ звѣрей, другіе были уведены въ плѣнъ во время персидской войны, но численность ихъ увеличилась, жизненные принципы ихъ остались неизмѣнными и путешественникъ съ удовольствіемъ отдыхаетъ въ ихъ деревняхъ. Но главная цѣль ихъ переселенія, какъ и болѣе широкіе планы Александра I, остались не осуществленными до сихъ поръ. Ревнивое властолюбіе русской государственной церкви парализовало большую долю той пользы, которую они могли принести. Человѣчество все еще ощупью бродитъ подъ темными тучами заблужденій, чуть освѣщенными драгоценнымъ общаніемъ полного свѣта⁴⁾.

Я вспомнилъ о судьбѣ этихъ нѣмецкихъ поселеній не только по поводу русскаго опыта колонизаціи, но также вслѣдствіе нашей встрѣчи съ несчастнымъ человѣкомъ, жизнь котораго связана съ первымъ періодомъ исторіи этой мужественной общины. Къ чему мнѣ скрывать его имя, если я все равно не могу писать о немъ, не выдавая его личности, и передаю

⁴⁾ Согласно Эли Смигу (*Missionary Researches in Armenia*. London, 1834, стр. 195 и слѣд.), на данныхъ котораго я основалъ свой рассказъ, общее число нѣмецкихъ колонистовъ въ 1830 г. равнялось приблизительно 2,000 душъ. Въ настоящее время по изданному статистическимъ спискамъ 1886 года число нѣмецкихъ колонистовъ въ различныхъ кавказскихъ колоніяхъ слѣдующее:

Въ Тифлисской губерніи: въ г. Тифлисъ—1,117. Въ Тифлисскомъ уѣздѣ: въ селеніяхъ Александредорфъ—384, Мариенфельдъ—396, Петерддорфъ—195, Фриденгаль—83, Елизабетгаль—1,148; въ Борчалинскомъ уѣздѣ: въ селеніяхъ Екатериненфельдъ—1,209, Александрсхильфъ—366; въ другихъ мѣстахъ—60; итого въ Тифлисской губ.—4,958.

Въ Елисаветпольской губерніи: Еленендорфъ—1,457; Анненфельдъ—437; итого—1,894.

Общій итогъ—6,852 души.

только всёми известныя факты провинціальной жизни? Миссіей Сембата Багдазарянца было сѣять въ чужихъ краяхъ сѣмена Евангелія, рискуя своей свободой и даже своей жизнью. Армянинъ по рожденію, онъ продолжалъ свое образованіе въ Европѣ, гдѣ онъ жилъ среди методистовъ Франкфурта, хотя и не раздѣлялъ ихъ убѣжденій. Будучи протестантомъ, онъ отвергалъ принадлежность къ какому либо специальному толку. Онъ принадлежалъ къ обществу евангелическихъ проповѣдниковъ, основанному лѣтъ 70 тому назадъ базельскими миссіонерами въ Шупъ, столицѣ провинціи Карабахъ. Имя учителя, съ которымъ послѣдователи его тѣснѣе всего связываютъ возникновеніе и первую борьбу своего братства, было Заремба; память о немъ связана съ памятью о его товарищѣ Дитрихѣ, который раздѣлялъ его труды съ самаго начала. Эти миссіонеры представляли собой общество, благочестивое рвеніе которыхъ было направлено на обращеніе магометанъ далекой Персіи. Осторожность повелѣвала имъ избрать для себя базу въ предѣлахъ русской территоріи. Но на русской землѣ русская церковь была для нихъ страшнымъ врагомъ. Она только за собой признавала право крестить и обращать въ христіанство. Исключеніе дѣлалось только для тѣхъ неправославныхъ исповѣданій, которыя считались дозволенными въ русскомъ государствѣ. Магометанину было позволено принимать одно изъ этихъ исповѣданій и становиться членомъ этого общества. Поэтому базельское братство смѣло рѣшило попытаться устроить колонію, которая находилась бы подъ покровительствомъ русскаго государства и получила бы отъ правительства особую грамоту, предоставляющую ей всѣ привилегіи дозволеннаго исповѣданія. Образецъ такой колоніи они уже имѣли передъ собой въ лицѣ шотландскаго миссіонерскаго общества, которому было разрѣшено проповѣдывать христіанство кавказскимъ горцамъ, имѣя за собой такую же базу въ Карассѣ. Чтобы добиться этого разрѣшенія, Заремба и Дитрихъ были посланы въ Петербургъ въ 1821 году. Они были приняты тѣмъ же Императоромъ Александромъ, который по

кровительствовадь нѣмцамъ, и въ духѣ, вполне отвѣчавшемъ ихъ собственному рвенію. Въмѣстѣ съ грамотой для будущей колоніи имъ дарованы были щедрыя привилегіи, между прочимъ право крестить новообращенныхъ. Кроме того, имъ разрѣшено было завести типографскій станокъ, основывать начальныя школы и семинарію для высшаго образованія. Въ тоже время имъ предложено было осмотрѣться на Закавказьѣ, чтобы выбрать мѣсто для будущей колоніи.

Когда миссіонеры пріѣхали въ Грузію весною 1823 года, они заинтересовались условіями жизни нѣмецкихъ колонистовъ, своихъ собратій по религіи и почти соотечественниковъ, жившихъ въ этой отдаленной странѣ безъ духовнаго руководительства, безъ всякихъ зачатковъ церковнаго устройства. Кто имѣлъ больше права на вниманіе миссіонеровъ, какъ не это стадо безъ пастырей, оторванное отъ своей родины и странствующее по волѣ судьбы? Первое лѣто ихъ поэтому было посвящено попеченію объ этихъ братьяхъ, въ которыхъ медленный ядъ чисто мірскихъ заботъ уже подточилъ силу первоначальнаго религіознаго рвенія. Успѣхъ ихъ усилій кажется привлечь вниманіе петербургской лютеранской консисторіи, которой русскій законъ ввѣряетъ духовные интересы ея единовѣрцевъ въ Россіи. Консисторія послала туда пастора съ должными инструкціями и колонисты были отданы въ его руки. Но смѣлые нѣмцы не для того возстали противъ церковнаго начальства на родинѣ, чтобы подчиниться его тираніи на новомъ мѣстѣ. Они не захотѣли вступать ни въ какія сношенія съ консисторіей и отказались принять назначеннаго къ нимъ пастора. Споръ этотъ былъ представленъ на усмотрѣніе Александра, который разрѣшилъ его со свойственнымъ ему здравымъ смысломъ. Онъ согласился на то, чтобы базельское общество назначало къ колонистамъ пасторовъ и даже самъ пожертвовалъ вкладъ въ ихъ церковь.

Когда миссіонеры снова обратились къ своей первоначальной цѣли, они встрѣтили затрудненія другого рода. Къ удивленію своему они получили увѣдомленіе отъ Закавказскаго главноначальствующаго, что прави-

тельство не имѣеть на персидской границѣ такой земли, которая могла бы быть отведена подъ проектируемую ими колонію. Самой миссіи оно готово отвести по ея выбору зданіе въ городѣ, и хотя привилегія принимать у себя обращенныхъ по закону не можетъ быть имъ предоставлена, губернаторъ обѣщалъ самъ употребить все свое вліяніе, чтобы правительство взяло ихъ дѣятельность подъ свое покровительство, если усилія ихъ увѣнчаются успѣхомъ. Тогда они избрали для учрежденія своей миссіи Шушу, основали въ ней школы и установили типографскій станокъ. Но въ странахъ, лежащихъ къ западу отъ Индіи обращеніе магометанъ въ христіанство во все время было трудной и неблагодарной задачей. И наши англійскіе миссіонеры въ Персіи приходятъ въ полный восторгъ, когда имъ удастся крестить какого-нибудь бродягу—мусульманина. Но миссіонеры въ Шушѣ безстрашно приступили къ дѣлу, хотя завоеванія Россіи, нѣсколько лѣтъ послѣ ихъ водворенія на мѣстѣ, открыли имъ полную возможность продолжать свою дѣятельность, не заходя въ предѣлы Персіи. Заремба шелъ слѣдомъ за арміей Паскевича, раздавая священныя писанія, переведенныя на турецкій языкъ и объясняя покореннымъ жителямъ вѣчныя истины христіанства и заблужденія ислама. Но населеніе, всосавшее вмѣстѣ съ молокомъ матери презрѣніе къ христіанству, разрывало его книги на клочки и, насколько мнѣ извѣстно, сѣмена, посѣянныя имъ на этой почвѣ, до сихъ поръ не взошли.

Лучшихъ результатовъ можно было ожидать отъ ихъ дѣятельности среди армянъ, духовенство которыхъ они нашли погруженнымъ въ глубокое, не разсѣянное и понынѣ невѣжество. Но они не предусмотрѣли раньше такой сферы для своей дѣятельности и, не имѣя на это спеціальнаго полномочія, не могли вербовать прозелитовъ среди христіанъ друхихъ исповѣданій. Для послѣднихъ всегда было открытъ доступъ въ православную русскую церковь, но если они желали креститься у священника другого дозволеннаго въ Россіи вѣроисповѣданія, то духовенство ихъ прежняго ис-

повѣданія могло требовать возвращенія отступниковъ въ лоно своей церкви. Съ развитіемъ школьнаго дѣла и религіозной проповѣди среди армянъ такія столкновенія стали неизбѣжны. Конечно, возвышенный характеръ и освященныя вѣками традиціи армянской церкви повелѣвали ей относиться съ уваженіемъ къ религіознымъ догматамъ другихъ христіанскихъ церквей и внушать своей паствѣ широкую терпимость къ ученію, котораго придерживались ихъ братья-христіане различныхъ вѣроисповѣданій. Въ этомъ отношеніи почтенному путешественнику, труду котораго я обязанъ этой маленькой подробностью, не мѣшало бы поучиться у духовенства, общій уровень котораго онъ справедливо порицаетъ¹⁾. Но поведеніе воинствующихъ миссіонеровъ и успѣшность ихъ дѣятельности задѣли за живое тщеславіе армянскаго духовенства. Два дьякона армянской церкви вступили въ сношенія съ швейцарскими проповѣдниками, не отрекшись формально отъ своей церкви. Они были обвинены въ томъ, что возстановляютъ народъ противъ старыхъ религіозныхъ обрядовъ и, согласно освященному временемъ обычаю, католикосъ приказалъ ихъ связать и отправить въ Эчмиадзинъ. Миссіонеры обратились съ жалобой къ главноначальствующему, который въ духѣ римскаго проконсула запросилъ, на какомъ основаніи они вмѣшиваются въ дѣла армянской церкви. Пусть нѣмцы останутся нѣмцами, а армяне—армянами. Но принципъ этотъ не былъ поддержанъ центральнымъ правительствомъ, на усмотрѣніе котораго главноначальствующій представилъ это дѣло. Къ большому неудовольствію армянскаго духовенства оно рѣшило, что если кто-либо захочетъ покинуть лоно армянской церкви, послѣдняя не имѣетъ права удерживать его силой. Но такое

¹⁾ Эли Смитъ, говоря о римско-католическихъ миссіяхъ, не стыдится употреблять наиримѣрь слѣдующія выраженія:—„Къ несчастью миссіонеръ едва ли можетъ ступить ногой въ эту страну (т. е. на берегъ Средиземнаго моря), не встрѣтивъ какого нибудь агента этой „Матери проституціи“ готоваго вступить съ нимъ въ бой и забить тревогу“. (Op. cit. стр. 210). Читая труды, написанные по этому вопросу, я нерѣдко встрѣчалъ подобныя выраженія у другихъ авторовъ духовнаго званія и съ грустью долженъ замѣтить, что такихъ грязныхъ мыслей, такого злого языка не найти у свѣтскихъ писателей.

либеральное настроеніе центральнаго правительства слишком опередило русскую политику. Побѣда миссіонеровъ была не продолжительна и многочисленность ихъ враговъ взяла верхъ надъ вліяніемъ немногихъ друзей. Типографскій ихъ станокъ уже давно бездѣйствуетъ; сама миссія опустѣла и только нѣсколько армянскихъ проповѣдниковъ остались вѣрны старымъ традиціямъ. Къ послѣднимъ принадлежалъ и нашъ ахалкалакскій знакомый. Правительство запретило ему выѣздъ изъ предѣловъ этой отдаленной крѣпости; онъ провель уже два года въ этомъ заключеніи и впереди оставалось еще три. Онъ зарабатывалъ себѣ хлѣбъ, исправляя должность конторщика и прикащика въ большомъ мануфактурномъ магазинѣ. Въ самой Шупшѣ, если вѣрить официальной статистикѣ, число членовъ армянскаго протестантскаго общества въ 1886 году не превышало 26 душъ¹⁾. Русская политика нашего времени терпѣть не можетъ миссіонерской дѣятельности; одно духовное лицо, путешествовавшее недавно въ Россіи совершенно вѣрно замѣчаетъ, что если священникъ желаетъ путешествовать по русской провинціи, онъ долженъ снять съ себя рясу и скрыть свое званіе²⁾. Я самъ могу засвидѣтельствовать, съ какими необычайными трудностями должны бороться протестантскія священники въ Турціи, чтобы добиться разрѣшенія переѣхать черезъ русскую границу. Такова ревнивая нетерпимость русской церкви, за которой такъ ухаживаетъ британское епископство и попеченію которой архіепископъ Кентерберійскій собирается передать давно покровительствуемую имъ свою паству — халдейскихъ или ассирійскихъ христіанъ Курдистана³⁾.

Для Сембата русскіе колонисты представляли особенный интересъ не по тѣмъ, конечно, качествамъ, которыя восхвалялъ въ нихъ уѣздный начальникъ, но по

¹⁾ Въ гор. Баку армянъ-лютеранъ въ 1886 г. числилось 350 душъ (офиц. стат. свѣд.). По словамъ Сембата протестантскія общества существуютъ еще въ Шемахѣ, Эривани и по сосѣдству отъ нея въ Каракалѣ близъ Карса и въ Тифлисѣ.

²⁾ Müller-Simonis. Du Caucase au Golfe Persique. Paris, 1892, стр. 3.

³⁾ Письмо препод. Ательстана Рилея въ „Daily Chronicle“ въ Лондонѣ. Августъ 1897 г.

той религіи, которую они исповѣдывали. Это былъ народъ, который, подобно ему самому, былъ сосланъ за свою религію и по своему отвращенію къ церковнымъ путамъ, походилъ на общества, въ нѣдрахъ которыхъ онъ самъ былъ воспитанъ. Исторія духоборцевъ или духоборовъ—я привыкъ къ этому послѣднему окончанію и это настоящее названіе ихъ секты—составляетъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ, но далеко не самыхъ почетныхъ главъ въ исторіи русской государственной церкви. Происхожденіе ихъ окутано нѣкоторой таинственностью; согласно однимъ версіямъ ученіе это впервые распространялось въ Харьковской губерніи отставнымъ солдатомъ въ 1740 году¹⁾. Наболѣе правдоподобнымъ, мнѣ кажется взгляды, котораго придерживается графъ Толстой, что начало этой секты было положено эмигрировавшимъ въ Россію иностраннымъ квакеромъ, который разсѣялъ въ ней сѣмена свой вѣры²⁾. Ни убѣжденія ихъ, ни настроеніе, вытекавшее изъ этихъ убѣжденій не предвѣщали мирнаго и безпрепятственнаго развитія этой секты. Въ странѣ, гдѣ вся политика проникнута интересами церкви, они отвергали необходимость и даже пользу ея. Среди народа, благоговѣнно поклоняющагося своимъ храмамъ, образамъ и иконамъ, они исповѣдывали бесполезность всѣхъ такихъ внѣшнихъ выраженій религіозной жизни. Жесткая кора церковныхъ формулъ трескалась подъ ихъ беспощадной логикой, а угрюмая страстность, съ которой эти *борцы духа* боролись между собой и съ обществомъ, истощала терпѣніе правительства и пробуждала его отъ апатіи. Уже съ XVII столѣтія они начали подвергаться преслѣдованіямъ и озлобленіе противъ нихъ такъ обострилось, что императоръ Александръ I въ первыхъ годахъ XIX столѣтія былъ вынужденъ переселить ихъ въ Таврическую губернію, близъ Азовскаго моря. Но Александръ былъ не такой человекъ, чтобы стать ору-

¹⁾ Максимовъ, *Закавказье* въ цитатахъ Радде въ Petermanns Mitth, 1896, стр. 145.

²⁾ См. статью гр. Толстого въ „Times“, 23 октября 1895 года. См. также книгу, изданную Влад. Чертковымъ въ Лондонѣ уже послѣ того, какъ эта глава была написана, „Христіанское мученичество въ Россіи“ со вступительной главой и письмомъ Льва Толстого.

діемъ ихъ недоброжелателей и непріязненные происки послѣднихъ вызвали съ его стороны строгую отвѣдь. На представленія о необходимости дальнѣйшаго переселенія духоборовъ онъ отвѣтилъ указомъ 1816 года, что такого переселенія не будетъ сдѣлано въ виду благопріятныхъ отзывовъ мѣстныхъ властей о характерѣ этой секты и доказанной недѣйствительности принятыхъ раньше противъ нея мѣръ; этимъ же указомъ объявлено было, что правительство не только не намѣрено вновь прибѣгать къ репрессивнымъ мѣрамъ, но что напротивъ воля императора—устранить все ненужныя ограниченія и положить конецъ всемъ притѣсненіямъ сектантовъ. Гуманная мудрая политика этого просвѣщеннаго государя не была продолжена его преемниками. Николай I изгналъ духоборовъ въ закавказскія провинціи и они продолжаютъ терпѣть преслѣдованія до сихъ поръ. Главное переселеніе происходило между 1841 и 45 годами. Имъ были отведены мѣста въ холодной безлѣсной странѣ къ югу отъ Ахалкалакъ, откуда они распространились въ Елисаветпольскую губ. и недавно приобрѣтенную Карсскую область. Согласно переписи 1886 г. число переселенныхъ въ то время въ Закавказье духоборовъ достигало 12,500 душъ¹⁾.

Въ глазахъ философа духоборы являются сектой, исповѣдующей чистую религію и придерживающейся духа ученія Христа. Но въ глазахъ большинства христіанъ ихъ догматы—ересь, а религіозные обычаи достойны осужденія. Такое отношеніе и составляетъ главный источникъ ложныхъ толкованій и клеветъ. Свѣдѣнія о духоборахъ, полученныя нами отъ нашего странствующаго проповѣдника также не были свободны отъ этихъ недостатковъ. Но чтобы быть справедливымъ къ нему, нужно помнить, что его собственныя заслуги были отвергнуты этими собратьями по вѣрѣ, виновными, какъ и онъ, въ оскорбленіи величества православной церкви,

¹⁾ Толстой (въ „Times“ loc. cit.) опредѣляетъ число ихъ въ настоящее время въ 20,000 душъ, не зная на основаніи какихъ данныхъ. Офіціальныя цифры, взятыя изъ списковъ 1886 г. слѣдующія: въ Тифлисской губерніи (Ахалкалакскомъ и Борчалинскомъ уѣздахъ)—7,263; въ Елисаветпольской губерніи—2,404; въ Карсской области—2,766; въ Эриванской губерніи—15; итого—12,488.

и что никакой Заремба и никакой Эли Смитъ не встрѣтили бы сочувствія у этихъ простыхъ крестьянъ и не были бы призваны ими направлять и возвышать ихъ духовную жизнь. Воображеніе восточнаго человѣка въ немъ могло быть окрашено предубѣжденіями христіанскаго проповѣдника, но я не сомнѣваюсь въ томъ, что тѣ сплетни, которыя онъ намъ рассказывалъ о нихъ, пользуются широкимъ распространеніемъ среди мѣстнаго населенія. По словамъ Сембата религія этихъ крестьянъ окружена большой таинственностью и онъ самъ не былъ достаточно свѣдушъ, чтобы разсѣять ее. Имъ безъ стѣсненія приписываютъ языческіе обряды и говорятъ, что они поклоняются изображеніямъ птицъ и звѣрей. Поклоняются ли они имъ дѣйствительно или только смотрятъ на нихъ какъ на символы,—достовѣрно, по крайней мѣрѣ то, что они имѣютъ обыкновеніе дѣлать такія изображенія, а для какой цѣли, объ этомъ мы сами имѣли возможность судить. Потомъ онъ рассказалъ намъ часть исторіи о Лукерьѣ—полубогинѣ, полупарицѣ.

5-ое сентября.—На востокъ люди обыкновенно представляютъ такой однообразный животный типъ, что вы—очарованные величіемъ окружающей ихъ природы—едва ли обратили бы на нихъ вниманіе, если бы вы не были связаны съ ними общими потребностями, къ удовлетворенію которыхъ они относятся здѣсь съ удивительной индифферентностью. По этому мы были преисполнены самыхъ большихъ ожиданій, когда выѣзжали изъ Ахалкалакъ, чтобы посѣтить русскія колоніи на южной окраинѣ великой равнины. Дорога, хотя и составляетъ главный путь сообщенія съ Александрополемъ, немногимъ лучше тропы. Мѣстами экипажъ трясетъ немилосердно, благодаря камнямъ, торчащимъ изъ земли. Мы выѣхали въ половинѣ третьяго въ ЮЮВ. направленіи. Широкой просторъ и волнообразная поверхность обнаженной почвы напоминали собой видъ моря, но на горизонтѣ вырисовывались очертанія высокихъ хребтовъ, кольцомъ окружающихъ поверхность равнины. Гряды бѣлыхъ и сѣрыхъ облаковъ нависли надъ ихъ вершинами, въ зенитѣ же небо было синее,

а воздухъ прозраченъ и насыщенъ солнечнымъ свѣтомъ.

Въ 3 часа мы достигли берега рѣки Топорованъ, блестящей ленты, медленно скользящей по поверхности равнины; на другомъ берегу виднѣлась маленькая армянская деревня, по эту сторону—небольшое татарское селеніе. Мы остановились на минуту, чтобы вникнуть въ особенности того ландшафта, который мы уже раньше видѣли съ вершины Абула. Съ лѣвой стороны тянулись каменистые пригорки, примыкающіе къ массиву Абула. Широкое основаніе этой горы поднималось за ними, замыкая ландшафтъ съ востока. На нашемъ пути, около 12 верстъ впереди, рядъ пологихъ холмовъ простирался отъ юго-востока на сѣверо-западъ. Это была, вѣроятно, наружная сторона горной рамки, окружающей озеро Чалдыръ. На юго-западѣ мы могли различить небольшую брешь въ линіи горъ—далекое ущелье Куры. По правую сторону—гладь равнины; за ней на большомъ разстояніи высокіе хребты, окаймляющіе Куру съ лѣвой стороны. Позади насъ отъ второй брешы или прохода въ горахъ тянулся длинный зубчатый кряжъ, принадлежащій къ сѣвернымъ окраиннымъ хребтамъ и составляющій выдающуюся черту въ панорамѣ Абула. Эта цѣпь, также какъ и западная, казались здѣсь самыми высокими, если не считать ближайшихъ очертаній Абула.

Въ слѣдующіе полчаса мы проѣхали до конца тропу, ведущую къ Манзара, и пересѣкали теперь самую богатую часть равнины. Глубина бороздъ въ черной вспаханной землѣ служила доказательствомъ заботливой культуры. Жатва была снята и убрана. Мы теперь слѣдовали въ нѣсколько болѣе восточномъ направленіи и могли видѣть брешь въ очертаніяхъ горъ, какъ разъ на линіи нашего пути. Пригорки все еще тянулись слѣва отъ насъ на разстояніи 2—3 верстъ другъ отъ друга, а за ними возвышался меридіональный хребетъ, къ которому принадлежитъ и Абуль. Но съ правой стороны открытая перспектива теперь уступила мѣсто низкимъ скалистымъ холмамъ, которые надвигались на насъ со стороны озера Чалдыра. Это мѣсто казалось пе-

решейкомъ равнины, потому что дальше на югъ видъ снова открывался и равнина опять распрямилась, простираясь въ видѣ бухты къ водораздѣлу Аракса и Куры. Было очевидно, что мы достигли значительно вышаго уровня, потому что хлѣба, хотя и спѣлые, еще стояли нескошенными. Но жнецы—армяне въ яркихъ цвѣтныхъ платьяхъ уже принимались за дѣло и женщины помогали имъ. Вдали, у подошвы восточныхъ горъ мы увидѣли селеніе, обитаемое армянами-католиками. Хлѣба состояли изъ овса, изъ котораго они готовятъ хлѣбъ, и особаго вида остистой пшеницы. Въ половинѣ пятаго мы пріѣхали въ первое значительное село, которое, какъ оказалось, въ дѣйствительности состоитъ изъ двухъ сель, прилегающихъ къ дорогѣ. Первое называется Ходжабекъ и населено армянами; въ немъ 50 домовъ и есть церковь, но школы нѣтъ. Второе село—Богдановка, русское поселеніе, состоящее изъ 80 домовъ; это было первое изъ тѣхъ селеній, которыя мы такъ стремились видѣть¹⁾. У этого двойнаго селенія мы переѣхали черезъ рѣку, вытекающую, какъ намъ сказали, изъ озера Чончала и носящую то же названіе, что и озеро.

Богдановка не можетъ служить выгодной представительницей русскихъ колоній. Я не нашелъ никакой замѣтной разницы между ней и сосѣднимъ армянскимъ селеніемъ; возможно, конечно, что они повліяли другъ на друга и что это вліяніе не выгодно отразилось на русской деревнѣ. И здѣсь и тамъ тѣ же безпорядочные каменные дома съ плоскими крышами, покрытыми дерномъ; тѣ же грязные, ухабитые маленькіе переулки, выходящіе на главную улицу. Но въ поступи, въ фізіономіяхъ этихъ двухъ расъ—какой поразительный контрастъ! Съ одной стороны—большіе, блестящіе, черные, какъ уголь, глаза, и вполне опредѣленные, оживленные и выразительныя черты лица; съ другой стороны—маленькіе, безцвѣтные глаза и безформенныя выпуклости на массивномъ тяжеломъ черепѣ. Особенно поразила насъ невзрачность русскихъ жен-

¹⁾ Согласно статистическимъ даннымъ 1886 г. въ немъ числится 93 домовъ и 839 жителей.

щинъ и тяжелая неуклюжая походка мужчинъ. Мы проѣхали отъ Ахаалакъ всего 18 верстъ. Переѣхавъ лошадей, мы поднялись на небольшую возвышенность по ту сторону рѣки, откуда мы уже могли видѣть озеро Чончалъ съ деревней, расположенной у подножья возвышенности на противоположномъ его берегу. Черезъ полчаса мы были у миниатюрнаго озера и жалкой деревушки Орловки, выдающейся особенностью которой были сложенные клѣтками кучи кизяка или сушеннаго навоза. Это было второе русское селеніе и мы чувствовали себя разочарованными. Слѣдующимъ была Горѣловка—цѣль нашего путешествія.

По лѣвую сторону отъ насъ тянулась та же цѣпь пригорковъ, но справа холмы отступили и замѣнились пологимъ склономъ. Вокругъ насъ по скатамъ поднимались клочки орошаемой земли, доказывавшіе, что приливъ культуры доходитъ и до этихъ отдаленныхъ пустынныхъ мѣстъ. Мы замѣтили, что почва стала болѣе торфянистой и носила волокнистый характеръ. Мы подумали, что она должна быть хороша для картофельной культуры, но не видѣли ни одного картофельнаго поля кругомъ. Эти нагорныя земли составляютъ хорошія пастбища лѣтомъ и даютъ прекрасное сѣно для длинныхъ зимнихъ мѣсяцевъ. Вокругъ насъ былъ типичный ландшафтъ открытаго высокаго плоскогорья; мы находились на высотѣ 7,000 фут. надъ уровнемъ моря. Таковы мрачныя окрестности Горѣловки. Мы продрогли до костей, когда пріѣхали туда въ половинѣ седьмого.

Впечатлѣніе, произведенное на насъ двумя меньшими русскими колоніями, быстро разсѣялось при знакомствѣ съ новымъ окружавшимъ насъ селеніемъ. Велико было наше удовольствіе, когда мы убѣдились, что высокое мнѣніе полковника Тарасова о русскихъ колонистахъ здѣсь вполнѣ оправдывалось. Правда, что эти сектанты составляютъ цвѣтъ русскаго крестьянства, но тѣмъ не менѣе то, что было создано духоборами здѣсь, дѣлаетъ честь этому крестьянству.

Горѣловка самое большое селеніе уѣзда. Оно состоитъ изъ 150 домовъ съ населеніемъ въ 1,500 душъ

слишкомъ. Жители рассказываютъ, что они прибыли сюда изъ Россіи и получили здѣсь землю 52 года тому назадъ. Каждый домъ платитъ государству за свою землю ежегодную ренту въ 15 рублей. Снѣгъ лежитъ у нихъ впродолженіи восьми мѣсяцевъ въ году и они, подобно армянамъ, отапливаютъ дома кизякомъ или кирпичами сушенанаго коровьяго навоза. Я любовался ихъ плугами и большими фургонами собственнаго издѣлія. Такихъ плуговъ и фургоновъ вы не найдете у ихъ сосѣдей—армянъ, татаръ и турокъ. Но съ другой стороны, они не усовершенствовали своихъ орудій для молотбы и употребляютъ для этого особія доски, нижняя сторона которыхъ усажена острыми камнями. Они говорятъ, что познакомились съ этимъ способомъ молотбы, пріѣхавъ сюда, и что она удовлетворяетъ ихъ потребностямъ. Рынки ихъ—Александрополь и Ахалкалаки. Злаки на этой высотѣ ведутъ усиленную борьбу за свое существованіе, но участки пахоти и жнивья, расположенные по склонамъ, съ каждымъ годомъ поднимаются выше. Пріятно смотрѣть какъ фургоны, нагруженные сѣномъ, возвращаются домой по эластичному дерну¹⁾.

Духоборскіе села не зарываются въ землю, подобно селамъ армянъ и курдовъ. Русскіе борются съ холодомъ посредствомъ ббльшей толщины своихъ солидныхъ каменныхъ стѣнъ. Дома ихъ—низкія одноэтажныя зданія, каменная стѣны покрыты штукатуркой, которая въ свою очередь покрывается нѣсколькими слоями извести. Черезъ село проходитъ длинная улица—прямая, широкая и хорошо содержимая. По обѣимъ сторонамъ ея выстроены дома на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Крыши почти плоски и состоятъ изъ крѣпкихъ балокъ, поддерживающихъ

¹⁾ Кохъ рассказываетъ, какъ онъ удивился при видѣ сѣлаго ржаного поля къ странѣ, лежащей къ сѣверу отъ Эраерума на высотѣ, по крайней мѣрѣ, 7,500 фут. (*Reise im Pontischen Gebirge*. Weimar, 1846 г., стр. 267). Telfer (*Crimea and Transcaucasia*. London, 1876 годъ, т. I, стр. 278) приводитъ цитаты изъ отчетовъ Тифлисской Обсерваторіи, опредѣляющія слѣдующія предѣльные высоты для Южнаго Кавказа: ячмень—8,100 ф., рожь—7,906 ф., пшеница—7,400 ф., виноградники—3,500 фут. Радде говоритъ, что на сѣверныхъ склонахъ Алагѣза хлѣба посѣваютъ на высотѣ 8,300 футовъ. (*Petermanns Mitth.*, 1876 г., стр. 147).

настилку изъ земли и кусковъ дерна. Трубы—просто отверстія въ крышѣ, прикрытыя маленькими деревянными колпаками. Внутренность ихъ жилищъ чиста и уютна. Доски потолка аккуратно пригнаны другъ къ другу, а стѣны выбѣлены известью. Глубокія амбразуры оконъ свидѣтельствуютъ о толщинѣ стѣнъ. Ярко раскрашенныя ставни и рѣзные коньки крышъ придаютъ еще болѣе веселый характеръ нѣкоторымъ русскимъ селеніямъ, черезъ которыя мы проѣзжали потомъ. Въ Горьловкѣ дома крестьянъ лишены всякихъ орнаментовъ и все свое искусство въ рѣзбѣ по дереву они расточили на украшеніе жилища своей царицы.

Жители всѣ большого роста и мощнаго сложенія и, хотя лица ихъ загорѣли до неузнаваемости, свѣтлые волосы свидѣтельствуютъ о ихъ сѣверномъ происхожденіи. Конечности ихъ какъ-то плохо связаны въ суставахъ и потому, кромѣ различія въ костюмахъ и манерѣ держать себя, они представляютъ сильный контрастъ съ аккуратнымъ красивымъ сложеніемъ туземнаго населенія, благодаря своему высокому росту и развинченной неуклюжей походкѣ. Черты лица неправильны, глаза малы и выраженіе лица недостаточно оживленное, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ. Костюмъ мужчинъ состоитъ изъ темно-синихъ штановъ кафтана и фуражки съ большимъ козырькомъ; костюмъ этотъ придаетъ имъ видъ отставныхъ солдатъ. Кажется всѣ брѣютъ бороды. Женщины носятъ очень чистыя платья изъ бумажныхъ тканей яркихъ цвѣтовъ и узоровъ.

На слѣдующее утро мы, по уговору, должны были посѣтить вмѣстѣ съ хозяиномъ нашимъ, Алексѣемъ Зубковымъ почтеннаго сельскаго *старшину*, а также домъ и садъ царицы. Къ нашей компаніи присоединился братъ царицы—Михаилъ Васильевичъ Губановъ, о которомъ говоритъ и графъ Толстой. Мы пошли внизъ по длинной прямой улицѣ села, гдѣ широкіе промежутки между домами открывали доступъ свѣжему вѣтру равнины. Войдя въ ограду мы очутились въ чудесномъ цвѣтникѣ, между деревьями и пышными ку-

стами розъ, которые растутъ здѣсь на свободѣ и только освобождаются отъ черемърнаго безпорядочнаго роста любящей рукой человѣка. Какимъ страннымъ показался намъ видъ и запахъ этихъ пышныхъ садовыхъ цвѣтовъ послѣ путешествія среди людей, матеріальный уровень которыхъ спускается до самыхъ послѣднихъ предѣловъ, ниже которыхъ существованіе становится невозможнымъ. Одноэтажное низкое зданіе выходитъ въ садъ съ двухъ сторонъ. Въ одномъ флигелѣ—часовня и пріемная зала, въ другомъ—частныя покои, въ которыхъ жила царица. Пройдя въ двери, мы очутились въ маленькой передней, изъ которой въ обѣ стороны ведутъ двери въ комнаты. Обѣ комнаты просторны и кажутся еще больше, благодаря полному отсутствію мебели. Въ каждой изъ нихъ находится каменная печь, которая составляетъ выдающуюся особенность комнаты. Эти печи обычны и въ другихъ домахъ, но здѣсь они въ отличіе отъ другихъ украшены рѣзными арабесками по камню. Потолки низки, а стѣны такъ толсты, что окна съ ихъ глубокими подоконниками кажутся амбразурами крѣпости. Большія комнаты по бокамъ передней раньше служили, одна—для молитвенныхъ собраній, другая для общественныхъ сходокъ, но очевидно, что въ настоящее время собраній въ нихъ уже не происходитъ. Мнѣ сказали, что правительство запретило устраивать ихъ въ этомъ помѣщеніи, опасаясь, чтобы собраніе подъ кровлей прежней царицы не вызвало въ народѣ взрыва фанатизма.

Часовня или комната, въ которой духоборы собирались на молитву, имѣетъ слѣдующее устройство: потолокъ состоитъ изъ узкихъ деревянныхъ досокъ, поверхность которыхъ оживлена тонкими деревянными планками, закрывающими швы сходящихся досокъ. Рядомъ съ дверью сильно выступаетъ въ комнату широкий косякъ печки. Стѣны такихъ комнатъ обыкновенно оклеены опрятными обоями обычнаго русскаго образца; полы или выкрашены красноватой краской или доски оставлены въ натуральномъ видѣ и чистятся и моются ежедневно, какъ палуба яхты. Въ этой комнатѣ кругомъ, вдоль стѣнъ тянется низкая скамья и это един-

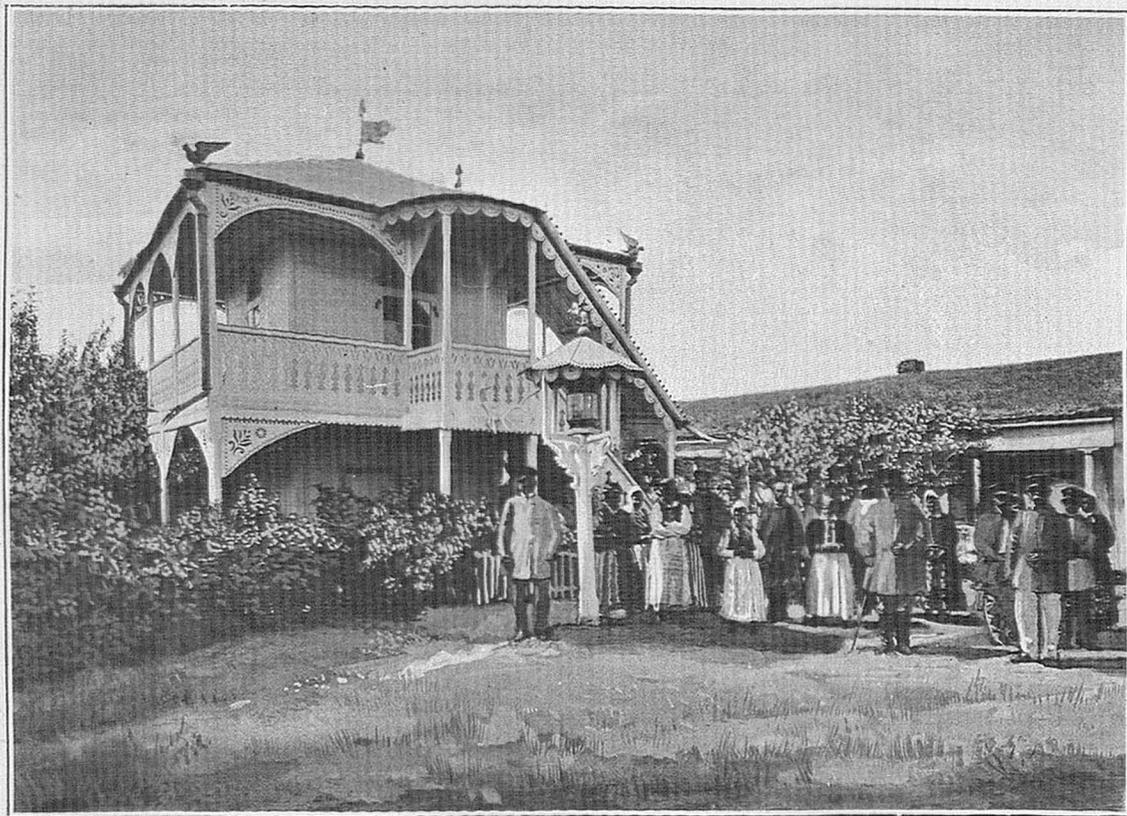

FIG. 21. SUMMER PAVILION AT GORELOVKA.

ЛѢТНІЙ ПАВИЛЬОНЪ ВЪ ГОРЬЛОВКѢ.

ственное сидѣнье во всемъ помѣщеніи. Большіе горшки цвѣтовъ, тщательно обрѣзанныхъ и заботливо оберегаемыхъ, цвѣли въ амбразурахъ оконъ и раздробляли солнечные лучи, которые разсѣивались по всему скромному жилищу теплымъ, равномернымъ свѣтомъ. Въ той части зданія, гдѣ жила раньше царица, комнаты, хотя и меньшей величины, имѣли такой же видъ. Они содержались съ такой щепетильной опрятностью, какъ будто бы она все еще жила тамъ. Мебель была вся вынесена, но кромѣ горшковъ съ прекрасными цвѣтами, въ каждой изъ нихъ еще было по блюду пахальныхъ яицъ.

Въ центрѣ сада среди розовыхъ кустовъ стоитъ лѣтній павильонъ царицы. (Рис. 21). Ядро постройки состоитъ, какъ бы изъ двухъ поставленныхъ другъ на друга прямоугольныхъ ящичковъ, служившихъ жилищами комнатами. Изъ нихъ верхняя съ каждой стороны имѣетъ по большому окну, такъ что видъ изъ нея обнимаетъ все поселеніе и весь ландшафтъ кругомъ. Въ нижней комнатѣ находится кровать и рядъ вѣшалокъ, на которыхъ подъ легкой занавѣской висятъ платья царицы. Въ верхней комнатѣ нѣтъ никакой мебели и она всегда служила гостиной. Это внутреннее ядро дома окружено широкой деревянной галереей съ лѣстницей, поддерживаемой деревянными столбами. Духоборы употребили все свое искусство на украшеніе этого балкона тонкой кружевной рѣзбой и фигурами, размѣщенными по угламъ крыши. На каждомъ углу сидитъ голубь съ распростертыми крыльями, на вершинѣ же крыши голубь представленъ спускающимся на нее, складывая крылья и протягивая ноги. Передъ павильономъ со стороны дома стоитъ подъ открытымъ небомъ фонарь любопытный, какъ по замыслу, такъ и по рисунку работы, съ возвышающимся надъ нимъ изображеніемъ св. Георгія и дракона, вырѣзаннымъ въ деревѣ съ большой жизненностью и силой.

Около меня стоялъ человекъ, сдѣлавшій эти изображенія, и я спросилъ его, выражаютъ ли они какуюнибудь религіозную мысль, которая бы составляла осо-

бенность ихъ вѣры. Вопросъ этотъ былъ излишенъ, такъ какъ смыслъ этихъ изображеній былъ вполне очевиденъ и символизмъ ихъ слишкомъ универсаленъ. Онъ добродушно отвѣтилъ, что это только орнаментъ и что онъ очень польщенъ моею похвалою его искусству.

Намъ показали также въ особомъ помѣщеніи на другомъ концѣ села мебель царицы и ея вещи, ея личныя украшенія и всѣ подробности ея туалета. Всякая вещь, которая ей принадлежала, сохраняется заботливо и съ любовью, какъ реликвія святаго. Ея вещи носили характеръ имущества простой крестьянки, приближающейся къ среднему классу: одно или два бархатныхъ кресла, гипсовыя статуэткі, нѣсколько хромолиитографій. Много блюдъ крашенныхъ пасхальныхъ яицъ было собрано здѣсь—вѣроятно это были пасхальныя подношенія цѣлаго ряда счастливыхъ годовъ, втеченіе которыхъ она вела молитвенныя собранія.

Прошло семь лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ они потеряли свою возлюбленную Лукерью Васильевну, свою руководительницу, какъ въ духовныхъ, такъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ. Они почитали ее и повиновались ей, какъ царицѣ¹⁾. Вліяніе ея на поселенцевъ этого плоскогорья было безгранично и, кажется, оно распространялось на всѣхъ духоворовъ Закавказья. Путешественникъ Радде, посѣтившій Горѣловку въ 1875 г. имѣлъ привилегію видѣть ее лично въ ея домѣ. Онъ описываетъ ее, какъ вдову тридцати лѣтъ съ лишнимъ, сильную, высокую, полную, но хорошо сложенную, съ чертами лица, носившими отпечатокъ прежней красоты. Онъ свидѣтельствуетъ о благоговѣніи, съ которымъ къ ней относились. Мнѣ кажется, что видѣть въ Лукерѣ только лицо временно-исполнявшее должность, созданную религіозными общественными нуждами духоворовъ—такое же заблужденіе, какъ вѣрить распространеннымъ въ тѣхъ краяхъ слухамъ, будто народъ подчинялся ея волѣ, потому что видѣлъ въ ней божество.

¹⁾ Полное имя ея, какъ мнѣ сказали, Лукерья Васильевна Калмыкова.

Дѣтскимъ натурамъ—продукту религіознаго темперамента и присущей ему особой гордости—должно быть трудно отличить чувство боготворенія отъ чувства любви. Въ отвѣтъ на мои разспросы они усиленно отрицали какое бы то ни было притязаніе со стороны Лукерьи на сверхъестественныя дарованья, и отвергали, какъ басню, обвиненіе, будто они оказывали ей божескія почести. Они въ ней почитали и любили хорошую, благородную женщину, которая возвышала ихъ жизнь, облегчала ихъ горести и направляла ихъ стремленія къ высшимъ цѣлямъ. Ея дѣятельность и примѣръ, преподанный ею, оставили отпечатокъ даже на внѣшнемъ видѣ этого образцоваго селенія и его жителей. Всѣ были хорошо одѣты, чисты и сыты; приятно было смотрѣть, какъ каждый изъ нихъ спокойно и серьезно занимался своимъ дѣломъ. Я совсѣмъ не видѣлъ въ Горьловкѣ бѣдныхъ людей и ничего похожаго на обычную восточную грязь и нищету. О сиротахъ и немущихъ заботится общество и, какъ я понялъ, всѣ колонисты въ окрестности участвуютъ въ составленіи необходимыхъ для этого фондовъ. Но что произвело на меня особенно сильное впечатлѣніе помимо трогательной заботливости, съ которой населеніе содержитъ домъ и усадьбу царицы, какъ будто бы душа ея обитала тамъ до сихъ поръ,—это, та нѣжная любовь къ цвѣтамъ, которую царица развила въ своемъ народѣ. При современномъ упадкѣ благосостоянія и изящныхъ искусствъ на востокѣ, садовые цвѣты тамъ становятся все болѣе рѣдкимъ явленіемъ. Въ лучшемъ случаѣ они служатъ принадлежностью роскоши или рамкой чувственныхъ наслажденій. Въ Горьловкѣ же не подлежитъ сомнѣнію, что эта герань и эти розы культивируются только изъ любви къ нимъ самимъ.

Религія духоборовъ походитъ на религію нашихъ крайнихъ протестантовъ, но правительство само раздуваетъ ихъ религіозное рвеніе въ разрушительное пламя. Что они христіане, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться; они заявили мнѣ очень положительно, что они признаютъ божественность Христа и поклоняются

Ему, какъ Богу¹⁾. Но Богъ есть духъ и поклоняющіеся Ему, должны поклоняться въ духъ и истинѣ. Духъ Божій пребываетъ въ душахъ Его служителей, которые сами суть сыны Божіи. Какъ могутъ поэтому церковь, изображеніе или икона требовать себѣ поклоненія, какъ святынѣ? Въ нихъ не пребываетъ ни духъ, ни истеченіе Божества. Храмъ Божій—душа человѣка. Разсуждая такимъ образомъ, духоборы кланяются другъ другу послѣ молитвы, привѣтствуя въ каждомъ божественный духъ, пребывающій въ немъ.

Священное писаніе они признаютъ; но книга Бога должна быть живой книгой, книгой, у которой не можетъ быть конца. А потому религіозныя вѣрованія ихъ, выраженныя въ формѣ псалмовъ, постоянно сохраняются вживѣ устами народа. Поются новые псалмы, но старые никогда не вымираютъ. Слова Бога, хотя и стары, но всегда останутся новыми. Они отвергаютъ священниковъ и весь пышный культъ официальной религіи, а тѣ простые обряды, которые могутъ понадобиться при рожденіи, бракѣ и послѣ смерти, исполняются ими самими.

Нравственныя понятія духоборовъ вполне отвѣчаютъ ихъ возвышенному взгляду на природу человѣка. Человѣкъ, въ которомъ живетъ божество, не долженъ ни оскорблять, ни убивать своего ближняго. Поэтому, не желая дѣлать никому зла, они не видятъ надобности въ судѣ. Не признаютъ они также власти одного человѣка надъ другими; каждый долженъ исполнять свои обязанности, потому, что это его долгъ, и никакого внѣшняго принужденія для этого не нужно.

Что въ такой мирной средѣ могли возникнуть распри, что люди, воспитанные въ духѣ взаимной любви и терпимости, могли воспламениться худшими страстями противоположнаго характера и поднять руку,

¹⁾ Лицо, доставлявшее гр. Толстому свѣдѣнія о духоборахъ, говоритъ: „Христу, какъ исторической личности, духоборы не приписываютъ большаго значенія“ („Times“ loc. cit.). Онъ рассказываетъ, какъ набожные квакеры, посѣтившіе духоборовъ въ 1818 году, услышавъ отзывъ ихъ о Христѣ, какъ о простомъ человѣкѣ, съ ужасомъ воскликнули: „Какое невѣжество!“ Не знаю какъ согласовать этотъ отзывъ съ тѣмъ, что я самъ слышалъ въ Горьловкѣ. Впрочемъ, христіанскій міръ придерживается въ этомъ отношеніи такихъ различныхъ воззрѣній!

не желавшую вооружаться противъ ближняго, на своего собственнаго собрата по религіи—это печальный примѣръ того, что чисто эмоціональнымъ путемъ нельзя надолго поднять натуру человѣка. Повидимому на длинномъ пути къ добродѣтели не можетъ быть никакихъ сокращеній. Высокій уровень, достигаемый подъ импульсомъ религіознаго энтузіазма, очень непроченъ. Со смертію Лукерьи исчезло личное обаяніе и осязательный примѣръ, которые такъ необходимы для простыхъ натуръ, и экзальтація чувства, объектомъ котораго она служила, сама за себя отомстила. Хотя царицѣ было только сорокъ три года, когда смерть сразила ее, она умерла вдовой. Братъ ея былъ бездѣтенъ и еслибы даже она оставила послѣ себя естественнаго наслѣдника, мѣсто, которое она занимала въ воображеніи народа, вѣроятно, не могло быть восполнено никѣмъ. Но не прошло и года со времени ея смерти, какъ явился мнимый наслѣдникъ, мальчикъ, который кажется претендовалъ на родство съ нею и считалъ себя достойнымъ занять мѣсто, еще не занятое до тѣхъ поръ никѣмъ. Жители Горѣловки, въ освѣщеніи которыхъ я передаю эту исторію, энергично утверждали, что этотъ юноша былъ самозванцемъ. „Онъ лгалъ“ говорили они про него. Авторитетъ его не былъ признанъ ими и онъ возстановилъ противъ нихъ ихъ собственныхъ братьевъ. Я понялъ изъ ихъ разсказовъ, что они въ пылу религіознаго и партійнаго рвенія не остановились передъ активнымъ насиліемъ. Горѣловка повидимому стойко держалась противъ узурпатора, но въ окрестныхъ деревняхъ и въ другихъ селеніяхъ духоборовъ по Закавказью мнѣнія раздѣлились. Русское правительство, естественно, слѣдило за положеніемъ дѣла съ точки зрѣнія мудрой предусмотрительности. Оно вовсе не желало водворенія преемника Лукерьи и возрожденія стараго религіознаго энтузіазма. Въсь его авторитета былъ противопоставленъ притязаніямъ претендента и юноша немедленно былъ устраненъ и сосланъ на далекій сѣверъ.

Во время нашего посѣщенія распря на время затихла, но графъ Толстой разсказываетъ, какимъ обра-

зомъ она вновь разгорѣлась. Повидимому претендентъ — имя его Петръ Веригинъ — пользовался поддержкой значительнаго большинства духоборцевъ, раздраженныхъ тѣмъ, что начальство передало брату Лукерьи, нашему знакомому Губанову, завѣдываніе общественными фондами. Веригинъ съ мѣста изгнанія продолжалъ сношенія со своими раздраженными братьями. Узнавъ объ этомъ, правительство зимой 1894—95 года сослало его дальше въ Сибирь. Во время его остановки въ Москвѣ на пути въ страну забвенія, его посѣтили родные и нѣкоторые изъ его единомышленниковъ. Онъ поручилъ имъ передать своимъ братьямъ — духоборамъ предложеніе воздержаться отъ участія во всѣхъ насильственныхъ актахъ правительства, отказаться отъ несенія воинской повинности и уничтожить все свое оружіе. Это предложеніе было принято единодушно всей его партіей и они приготовились безотлагательно привести его въ исполненіе.

Въ Елисаветпольской губерніи въ первый день праздника Пасхи одиннадцать духоборовъ, отбывавшихъ повинность въ резервномъ батальонѣ, отказались явиться на парадъ и формально объявили, что они не намѣрены больше служить. Во главѣ ихъ находился человѣкъ, который, несмотря на свою неспособностъ въ качествѣ сектанта, былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры за высокія качества и исключительныя заслуги. Примѣру ихъ послѣдовали и въ другихъ провинціяхъ, въ Ахалкалакахъ, въ Карсѣ. Начальство не жалѣло трудовъ, чтобы заставить ихъ отказаться отъ такого опрометчиваго рѣшенія. Когда всѣ убѣжденія оказались безсильными, оно попыталось ихъ запугать. Въ Ахалкалакахъ пять упорствующихъ были выведены въ тюремный дворъ и выстроены въ рядъ. Вызванному туда отряду казаковъ приказано было зарядить ружья пулями. Заключение просили позволенія помолиться, что имъ и было разрѣшено. Раздалась команда „готовься“ и затѣмъ прошло нѣсколько минутъ. Бывшіе солдаты спокойно ждали команды „пли“. Но она не была дана. Дула ружей опустились и духоборы были отведены назадъ въ свои камеры. Въ другихъ

мѣстахъ казаки симулировали атаку на нихъ и дѣлали видъ, что хотятъ ихъ всѣхъ изрубить. Сектанты продолжали стоять на своемъ рѣшеніи и ихъ били нагайками. На вопросъ, чѣмъ они могутъ оправдать свой поступокъ, они отвѣчали, что они христіане и стараются слѣдовать ученію Христа. Но отказъ ихъ отъ военной службы былъ не единственной причиной конфликта съ правительствомъ, въ который они были вовлечены своимъ отвращеніемъ къ насилию. Случилось такъ, что одинъ арестантъ, препровождаемый на мѣсто ссылки въ этапномъ порядкѣ, былъ приведенъ въ одно изъ ихъ селеній. На обязанности старшины села лежала забота о дальнѣйшемъ конвоѣ и передача его въ руки надежнаго человѣка. Очередь въ этотъ разъ пала на брата того унтеръ-офицера, который отказался отъ службы на первый день Пасхи. Онъ увѣдомилъ старшину, что не можетъ сопровождать арестанта, потому что не могъ бы, въ случаѣ надобности, употребить насилие надъ нимъ. Онъ просилъ доложить объ этомъ начальству, но старшина отвѣтилъ, что не желаетъ быть доносчикомъ и что онъ приведетъ арестанта къ нему въ домъ, а тамъ пусть онъ поступитъ по своему усмотрѣнію. Такъ и сдѣлали. Старшина привелъ къ нему арестанта и ушелъ. Временный стражъ послѣдняго обошелся съ нимъ, какъ со странникомъ, обогрѣлъ, накормилъ, напоилъ его и уложилъ его спать. На другое утро, видя, что арестантъ бѣдный человѣкъ, онъ далъ ему денегъ и предложилъ ему проводить его на дорогу. Когда они вышли изъ села, онъ показалъ ему двѣ дороги и предоставилъ ему выборъ. Онъ сказалъ ему, что одна изъ нихъ ведетъ къ мѣсту его назначенія, какъ арестанта, другая ведетъ на свободу. Арестантъ предпочелъ первую дорогу и пришелъ одинъ къ мѣсту своего назначенія. Въ этомъ случаѣ дѣло кончилось безъ дурныхъ послѣдствій.

Въ 1895 году тюрьма Елисаветполя заключала въ себѣ не менѣе 120 человѣкъ духоборской секты. Всѣ были приговорены за проступки такого же характера, какъ и выше описанные. Но чаша вины этого народа еще не переполнилась. Въ странѣ, гдѣ ношеніе ору-

жія считается гражданскимъ долгомъ, они рѣшили сжечь все оружіе, предназначенное для убійства людей. Для совмѣстнаго осуществленія своего рѣшенія они избрали ночь 28-го іюня, т. е. канунъ праздника Петра и Павла. Въ Карсѣ и Елизаветполѣ событіе произошло безъ серьезныхъ столкновеній, не такъ обстояло дѣло въ Ахалкалакахъ. Около трехъ верствъ отъ села Орловки въ скалѣ есть углубленіе, которое народъ называетъ пещерой. На этомъ мѣстѣ у нихъ устраивались обыкновенно большія молитвенныя собранія; теперь оно было избрано для сожженія оружія. Въ назначенную ночь туда собралось болѣе 2,000 народу; они сложили все оружіе въ кучу, прибавили туда топлива, облили его керосиномъ и зажгли этотъ костеръ. Утромъ, когда огонь потухъ, они помолились и разошлись по домамъ. День прошелъ спокойно, но вечеромъ они вернулись и собрали металлическія части, которыя уцѣлѣли отъ дѣйствія огня и сплавили ихъ въ одну массу въ присутствіи еще большаго стеченія народа, въ которомъ участвовало много женщинъ и дѣтей.

Въ Горѣловкѣ, которая стояла на сторонѣ правительства, симптомы возбужденія враждебной партіи и фактъ собиранія ими оружія не остались незамѣченными. Ожидая съ ихъ стороны нападенія, горѣловцы сдѣлали доносъ на своихъ братьевъ по религіи и приняли у себя отрядъ казаковъ и регулярнаго войска. 30-го іюня по всѣмъ селеніямъ было оповѣщено, что изъ Горѣловки въ Богдановку прибудетъ уѣздный начальникъ и требуетъ, чтобы всѣ поселенцы собрались туда. Тѣ, которые были дома, явились на призывъ, отсутствующіе же родственники, хотя и узнали о требованіи, остались, гдѣ были, заняты молитвой. Явился посланный и повторилъ приказаніе. Старики отвѣчали, что они молятся и будутъ продолжать молитву, а если уѣздный начальникъ желаетъ ихъ видѣть, то можетъ самъ пожаловать къ нимъ, такъ какъ ихъ много, а онъ одинъ. Второй курьеръ вернулся съ тѣмъ же отвѣтомъ. Тогда караульные прибѣжали съ извѣстіемъ, что казаки уже близко. Не успѣло собраніе сплотиться, какъ на него наскочили всадники. Во главѣ ѣхалъ офицеръ и

кричалъ „ура!“ Толпу спшибли съ ногъ и немилосердно били нагайками, которыми вооружены казаки. Одинъ изъ нихъ размахивалъ нагайкой по воздуху, стыдясь бить ею людей. Офицеръ, подѣхавъ къ нему, крикнулъ, что онъ обманываетъ паря и ударилъ его самого по лицу нагайкой. Избитыхъ и облитыхъ кровью людей поволокли къ уѣздному начальнику. Женщины слѣдовали за ними, хотя казаки отгоняли ихъ нагайками. Подходя къ Богдановкѣ они встрѣтили самого уѣзднаго начальника въ коляскѣ и офицеръ крикнулъ: „шапки долой!“ Старики отвѣтили ему, что они сами сумѣютъ исполнить свой долгъ, когда начальникъ поравняется съ ними и поклонится имъ. Новое „нагайки, ура!“ и новое безжалостное сѣченіе, покуда трава не окрасилась кровью. Уѣздный начальникъ остановилъ избіеніе и поѣхалъ дальше въ Богдановку, гдѣ собрали братьевъ, оставшихся позади. Когда онъ началъ укорять ихъ, изъ толпы выступилъ челоуѣкъ съ солдатскимъ свидѣтельствомъ въ рукахъ. Онъ передалъ этотъ документъ въ руки начальника и объявилъ, что больше не будетъ служить. Уѣздный начальникъ вышелъ изъ себя и ударилъ его палкой. Тогда народъ объявилъ, что не будетъ больше повиноваться начальству, ни подчиняться его требованіямъ. Въ отвѣтъ на это заявленіе уѣздный начальникъ отдалъ приказаніе пороть ихъ нагайками и даже говорилъ о томъ, чтобы всѣхъ разстрѣлять. Слѣдующей мѣрой было расквартированіе въ ихъ селеніяхъ казаковъ, которые жили на ихъ счетъ и насиловали ихъ женщинъ. 464 семьи были высланы изъ уѣзда и обречены на голодную смерть въ грузинскихъ деревняхъ. Они сдѣлались работниками грузинъ и сохранили свой высокій нравственный уровень¹⁾.

¹⁾ Слѣдствіемъ этихъ событій было то, что духоборы въ большомъ числѣ выселились за предѣлы Кавказа. Бывшій цвѣтъ русскаго крестьянства, которымъ русское начальство такъ гордилось на Кавказѣ, они при этомъ новомъ переселеніи не могли не потерять нѣкоторую долю своего подъема духа. И дать этимъ людямъ пріютъ у себя выпало на долю Британской имперіи! Сначала выборъ ихъ остановился на островѣ Кипрѣ; но теплый климатъ его оказался неблагоприятнымъ для нихъ и они потеряли болѣе 100 душъ втеченіе восьми мѣся-

Прочитавъ исторію этой секты и размышляя о ея судьбѣ, умъ невольно возвращается къ разсвѣту христіанства и лѣтописямъ первой его церкви. Знаменитое письмо Плінія кажется написаннымъ вчера, а суровыя разсужденія передовой статьи лондонскаго „Times“ а проникнуты духомъ до-христіанской эры. „Основные принципы ихъ вѣры ведутъ прямо къ социальной анархіи, смягчаемой только причудами этихъ „сыновъ Божіихъ“. Они, безъ сомнѣнія, искренніе фанатики и потому заслуживаютъ, чтобы къ нимъ относились съ нѣкоторымъ состраданіемъ и уваженіемъ“. Интересно сопоставить съ этой статьёй новой газеты слова великаго историка римскаго міра: „христіане относились съ неменьшимъ отвращеніемъ къ дѣламъ сего міра, чѣмъ къ его удовольствіямъ; они не знали, какъ примирить защиту личности и собственности съ долготерпѣливымъ ученіемъ, которое требовало отъ нихъ безграничнаго прощенія обидъ и даже повелѣвало имъ приглашать обидчика, прибавить къ старымъ обидамъ еще новыя. Они были душою такъ просты, что и обычное произнесеніе клятвъ, и церемоніи судебного производствa и, активная борьба въ общественной жизни оскорбляли ихъ чувства. Гуманное невѣжество ихъ упрямо настаивало на томъ, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ проливать кровь нашихъ собратьевъ-людей, ни мечомъ правосудія, ни во время войны, хотя бы преступныя и враждебныя посягательства людей и угрожали миру и безопасности цѣлаго общества... Проповѣдуя пассивное послушаніе, они отказывались принимать активное участіе въ гражданскомъ управленіи или военной защитѣ государства... Это безпечное и даже преступное равнодушіе къ общественному благополучію вызывало презрѣніе и укору язычниковъ, которые часто спрашивали, какая же судьба должна постигнуть государство, осаждаемое со всѣхъ сторонъ варварами, если весь родъ человѣческій проникнется малодушными чувствами новой секты?“

цевъ. Большая часть эмигрантовъ поэтому отправилась весной 1894 года изъ Кипра моремъ въ Канаду и Сѣверо-Американскія Британскія владѣнія.

Обратились ли христіане нашихъ дней снова въ язычество или язычники прежнихъ дней только перемѣнили свое названіе?